

В. Г. Белинский

Русская литература в 1842 году

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская литература в 1842 году

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824515*

Аннотация

Данный обзор посвящен целиком анализу явлений современной русской литературы. Здесь отсутствуют обычные для Белинского исторические экскурсы в литературу XVIII века. Внимание критика сосредоточено на «Мертвых душах» и той бурной полемике, которую они вызвали в прошлом году, на Майкове и Баратынском, на Соллогубе и Панаеве, на различных сборниках и периодических изданиях. Исключительный интерес Белинского к вопросам современной литературы был связан с очень важным выводом, к которому он пришел именно в это время, что русская литература стала, наконец, органом общества, что общественное сознание в России преимущественно выражается в литературе.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Виссарион Григорьевич Белинский Русская литература в 1842 году

Было время, когда журналы в Европе по преимуществу назывались «зрителями»; теперь имя «обозрений» (*revues*) осталось за ними исключительно и значит то же самое, что у нас, на Руси, слово «журнал», а журналами называются там газеты. В этих названиях столько же основательности и толку, сколько у нас неосновательности и бестолковости. Большая часть журналов у нас выходит один раз в месяц, тогда как иностранное слово «журнал» совершенно равнозначительно русскому «дневник» или «ежедневник». Слово «газета», оставшееся у нас преимущественно за теми периодическими изданиями, которые за границею называются «журналами», не выражает никакого смысла, почему почти и оставлено в Европе. Еще более основательности и глубокого смысла видно в заменении слова «зритель» словом «обозрение»; эта перемена как нельзя лучше характеризует собою две эпохи — одну, когда люди только *созерцали* и *смотрели* на жизнь, как на занимательный спектакль, и другую, когда люди уже не довольствуются только тем, что смотрят глазами, а

хотят вместе с тем смотреть и умом. Предшествовавшая эпоха была *созерцательная*; настоящая эпоха – *сознательная*. Отсюда-то и происходит эта живая, беспокойная, тревожная потребность, едва кончив дело, *обозреть* его поскорее, едва пройдя несколько шагов, оглянуться назад и отдать себе отчет в пройденном пространстве. Это доказывает, что теперь факты – ничто, и одно знание фактов также ничто, но что все дело в разумении значения фактов. Мы этим отнюдь не хотим сказать, чтоб фактическое знание было ненужно, бесполезно: мы хотим сказать только, что знание фактов без разумения их еще не есть знание в истинном и высшем значении этого слова. Без знания фактов невозможно и разумение их, потому что, когда нет фактов, как данных, как предметов знания, тогда нечего и уразумевать; следовательно, и фактическое знание необходимо; только без философского знания оно будет таким же призраком, как и философское знание без фактического приготовления и основания. И действительно, в прежнюю, созерцательную эпоху только смотрели на то, что делалось на белом свете, и, посмотрев, записывали, что видели; теперь смотрят еще пристальнее, еще внимательнее, но, смотря, вникают и судят, и тогда только почитают себя что-нибудь увидевшими, когда откроют смысл и значение увиденного, переведут факт на идею.

У нас общественная жизнь преимущественно выражается в литературе. Поэтому ничего нет мудреного, если все наши журналы по преимуществу – журналы литературные, на-

полняемые или произведениями литературы, или толками о литературе. Наука у нас еще слишком нежное и слабое растение, которому еще некогда было даже пустить корней, не только развернуться пышным и благоуханным цветом. Это, впрочем, не значит, чтоб у нас не было науки: это значит только, что наука на Руси до сих пор еще что-то вроде элевзинских таинств, — исключительное достояние небольшого избранного класса людей, а не целого общества, как в Западной Европе. Многие еще из посвящающих себя исключительно науке у нас учатся не для знания, а для аттестатов, открывающих путь к разным преимуществам по службе. Заседания ученых обществ в глазах нашей публики — род спектакля, на который должно смотреть с приличною важностию, не зевая. Сам Араго^{1} не привлек бы своими чтениями и отчетами разнообразной и полной просвещенного интереса толпы. Вот почему мы говорим, что наука на Руси пока еще — нежное и слабое растение, не успевшее еще пустить корней в новую, не разработанную для него почву и поддерживаемое только благородными, великодушными усилиями просвещенного правительства. Зато литературные публичные чтения, затеянные сколько-нибудь известным в литературе лицом, у нас могут привлекать разнородную толпу, которая готова стекаться на них всегда с большим или мень-

^{1} Доминик Франсуа Араго (1786—1853) — известный французский ученый-физик и астроном. Не следует смешивать с Жаком Араго — драматическим писателем, автором «Воспоминаний слепого».

шим интересом, и не только (так или сяк) будет понимать их, но еще и принимать их с этим восторгом или с этим неудовольствием, которые всегда означают живое участие к делу литературы. Уж нечего и говорить о том, что все сколько-нибудь замечательные литературные произведения находят себе у нас покупателей и почитателей; некоторые журналы поддерживаются значительным числом подписчиков, журнальные мнения разделяют публику на литературные котерии. Последнее обстоятельство особенно важно. Без литературного мнения, сколько-нибудь оригинального и самобытного, высказываемого с большим или меньшим умом и талантом, теперь и у нас журнал уже не может иметь успеха. Критика в отношении к успеху и влиянию журнала начинает становиться едва ли не важнее самих повестей. Правда, под «критикою» у нас еще не все разумеют рассмотрение произведений искусства на основании науки изящного; напротив, большая часть публики добродушно почитает критикою всякую болтовню о литературных предметах, всякую рецензию на пустую книжонку, – и потому у нас стоит только назвать себя критиком, чтобы прослыть критиком. Так, иной нравоописательный сочинитель, в жизнь свою не написавший ни одной критической статьи, никогда и не слыхивавший, что есть на свете наука изящного, философия искусства, совершенно чуждый какого-нибудь взгляда на поэзию, какого-нибудь убеждения, тем не менее гордо величает себя «критиком» потому только, что давно уже марает статейки в плохой газе-

те, где бранит сплеча всякий талант, всякий успех, заслоняющий его, или, помирившись с подобным себе витязем, потом бранит его, а после опять мирится с ним — до новой мировой сделки и новой размолвки и постоянно хвалит только себя и свои книжные изделия.^[2] Но все это нисколько не противоречит высказанному нами мнению о важной роли, которую играет критика в наших журналах, как выражение литературных понятий, убеждений и мнений; притом же наша критика состоит не из одних таких жалких явлений, но по справедливости может гордиться и утешительными исключениями. Итак, этот успех журналистики, душа которой — критика, служит самым ясным и неопровержимым доказательством, что литература, наконец, укоренилась на почве русской национальности, вошла в жизнь общества, сделалась его обычаем и живою потребностью и уже перестала быть внешним нововведением, модою или книжным педантизмом. Поэтому ничего нет удивительного, что у нашего общества литература стоит на первом плане и что у нас с важностию рассуждают и с горячностью спорят о том, о чем за границею говорят хладнокровно, как об интересе важном, но уже второстепенном и отнюдь не исключительном.

После всего этого должно казаться странным, что в современных русских журналах, за исключением «Отечествен-

^[2] Здесь имеются в виду Булгарин и Н. Полевой. Белинский писал уже однажды о частых ссорах двух литераторов, «соединенных издавна приятелью» (см. «Литературные журнальные заметки», — «Отечественные записки», 1842, т. XXIV, № 10).

ных записок», нет ни исторических, ни годовых и никаких обзрений русской литературы. И это тем страннее, что с небольшим за десять лет назад обозрения такого рода были в большом ходу: ими наполнялись журналы, без них не могли обходиться альманахи. Потом вдруг как и не бывало литературных обзрений! Кроме равнодушия к делу литературы, этому не может быть другой причины: по словам мудрой русской пословицы – что у кого болит, тот о том и говорит. Скажут: вольно же ребячиться и толковать о пустяках! Хорошо; но если литература для кого-нибудь пустяки, так пусть же тот и не издает литературных журналов, чтоб не противоречить самому себе и не обнаружить, против своей воли, каких-нибудь совсем не литературных целей, а, например, торговых и т. п. Кто на литературу смотрит, как на что-то важное в глазах того обозрения литературы не могут не иметь большой важности. Литературные обозрения – это живая летопись мнений различных эпох; а как Россия во многих отношениях развивается непомерно быстро, то у нас что год, то и эпоха, следовательно, и летописи нашей литературы не могут не быть разнообразны, живы и интересны. Любопытно наблюдать за процессом мнения об одном и том же предмете в разное время, у разных поколений; любопытно видеть, как думали, например, о Ломоносове или Державине в их время и как думают о них теперь. Любопытно видеть итоги каждого года и по ним следить за каждым успехом литературы, за каждым ее шагом вперед. И потому мы думаем, что публика

не может не одобрить принятого нами намерения – начинать каждую первую книжку нового года «Отечественных записок» взглядом на прошлогоднюю литературу, – намерение, которое уже сряду третий год постоянно выполняется нами, не в пример прочим журналам.

Литературные обозрения первый начал Марлинский. Его статьи в этом роде имели чрезвычайный успех в публике. На них смотрели, как на что-то необыкновенное, гениальное. Теперь они не более, как интересный факт для истории русской литературы. Теперь уже никого не изумят фразы, что Ломоносов озарил своим явлением Русь подобно северному сиянию, что стихи Пушкина – жемчуг, рассыпанный по бархату, и т. п. Но в свое время *обозрения* Марлинского были действительно необыкновенным явлением, которое не могло не показаться великим. Критика, до Марлинского, была книжною и педантическою, без истинной учености, без всякого отношения к современному состоянию науки об изящном. Истинному глубокому и истинной учености прощается и тяжеловатость, и педантизм, если они как-нибудь приросли к ней; но педантизм и школьничество, не выкупаемые мыслию и основательностию, – самая отвратительная вещь в мире. Наша ученая критика того времени не справлялась с ходом времени и повторяла избитые общие места о старых писателях, упорно не признавая в Пушкине ни таланта, ни заслуги. Марлинский заговорил о литературе языком светского человека, умного, образованного и талантливомго,

заговорил языком новым, небывалым, острым, блестящим. Ради этих, новых тогда, достоинств никто не заметил жидкости содержания в его часто до изысканности оригинальных и блестящих фразах, неопределенности в его характеристиках. Удержав, по старой памяти, кое-что из мнений прежнего времени, Марлинский все это выражал, однакож, новым образом, отчего и старые мысли приняли у него вид новых; увлекаясь очень понятным пристрастием к современному, он иное хвалил не по достоинству, но зато умел восхищаться всем истинно прекрасным и тяжело поражал своим фейерверчным остроумием посредственность и бездарность. Одно уже то, что он был страшным врагом ложного классицизма и сильным союзником плохо понимаемого и нового, тогда так называемого романтизма, – одно уже это облекало в мистическое величие его достоинство как критика. После Марлинского неутомимым «обозревателем» был весьма известный в свое время, но теперь совершенно забытый г. Орест Сомов. В его статьях не было никакого литературного мнения, никакого основания, никакого блеска, и они скоро всем надоели и обратились в предмет насмешек со стороны всех журналов. Потом замечательнейшею статьею в этом роде было «Обозрение русской словесности 1829 года» г. И. Киреевского, напечатанное в «Деннице» г. Максимовича. В статье г. Киреевского чувствуется присутствие мысли; по крайней мере есть несколько отдельных мыслей, верных и оригинальных; но приложение их отзывается неопределенностию

и не идет к делу. Г. Киреевский не только безусловно и безотчетно превознес, а не оценил, – ибо оценка есть суждение, а не гимн хвалебный, – историю Карамзина, но и разные маленькие знаменитости того времени. Так, например, он накинуд *душегрейку новейшего уныния*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания